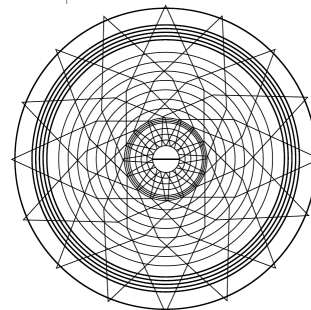


[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов



СОВЕТСКИЙ ПОСЕТИТЕЛЬ МУЗЕЯ 1930-Х ГОДОВ: ХАРАКТЕР ВЗГЛЯДОВ И ВОСПРИЯТИЯ НА МАТЕРИАЛЕ КНИГ ОТЗЫВОВ

Милановская Е.С.

Аспирант НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

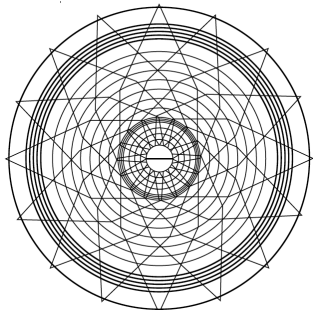
millelya@yandex.ru

Аннотация:

В настоящей статье проведен анализ материала музейных книг отзывов Москвы 1930-х годов. Анализ содержания записей позволил распознать некоторые черты общественного сознания на основе материала индивидуальных и групповых отзывов, выделить стилистические и идейные черты, которые служат свидетельствами социокультурного контекста и его коммуникативных норм.

Ключевые слова: книга отзывов, музейный зритель, СССР, идеология, 1930-е годы, личное и общественное

В эго-документах ценным является прямая речь, индивидуальное или его промельки, особенно, если это тексты, которые во многом определяются чувством внутреннего страха или духом коллективизма. В сталинский период формируется устойчивое мнение народных масс, хотя едва ли это мнение имело нечто четкое в своем высказывании или независимое от трансляций сверху в условиях репрессивных угроз различной степени. В этих обстоятельствах пространство для выражения мнения становится местом специфического соединения личного с общественным. Одним из примеров этого синтеза могут послужить книги с отзывами посетителей музеев. Небольшой обзор голосов отдельных людей, вместе составляющих своеобразный корпус текста, позволит ознакомиться с состоянием общественного сознаниях 1930-х гг., куда входит вопрос о нормативном, способности к критическому взгляду, о видах недовольства и т. д. Записи из книг отзывов всегда были косвенным, дополнительным материалом для описания или анализа выставки или события. Исследований, посвященных цепочке, в которую бы входил 1) зритель, 2) книга отзывов как предмет и 3) экспозиция достаточно мало. Как правило, второе звено — книга отзывов — прикрепляется к выставке как третьестепенный материал. В статье сделана попытка извлечь ее из сферы выставки и перенести ближе к фигуре зрителя, взглянув на него через призму записей.



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

*Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов*

Следует упомянуть некоторые работы, связанные с темой зрителя. Параллелизм судеб искусства и литературы в СССР позволяет обратиться к книге Е. Добренко «Формовка советского читателя» (гл. «“От читающей публики” к “читающим массам”»), где речь идет о прерывистых этапах этого процесса, читателе и потенциальных претендентах на эту роль. Об изучении зрителя и работе с ним, движении музея навстречу групповым посетителям, становлении методики в этих областях идет речь в статье об экскурсионной работе в Третьяковской галерее (Буянова 2015) с опорой на изыскания и публикации середины 1920-х гг. Л. В. Розенталя — методиста экскурсионной работы в галерее (Розенталь 1928, 1929). В 2014 году вышел сборник социологических свидетельств 1920–1930-х гг. — статьи, отчеты, анкеты, методические рекомендации тех лет (Фохт-Бабушкин 2014). Характеру и учету отзывов художественных экспозиций 1930-х гг. посвящена небольшая глава в книге «Культ Сталина в изобразительном искусстве» (Плампер 2010). В ней автор размышляет об институте отзывов и их влиянии на художественный процесс, о статусе «массовой критики».

К настоящему моменту, однако, тексты отзывов редко были рассмотрены как некие свидетельства времени и человеческого мировоззрения. В этой связи стояла задача обратить внимание на материал как на многосоставной объект и рассмотреть в отзывах своеобразную хронику действительности, взглянуть на культуру сквозь довольно специфическую форму ее невольной документации. Анализ прямой речи несет в себе возможность изучения самоопределения автора в условиях скованности индивидуального высказывания на фоне лексики, изобилующей официальной риторикой 1930-х. Таким образом, внимание к текстам из книг отзывов также добавляет деталей к граням советской цензуры. Человек, оставляющий запись, знал, что его слова будут видны всем. Как он это использовал? Каков был внешний контроль за содержанием книг, или в нем не было необходимости?

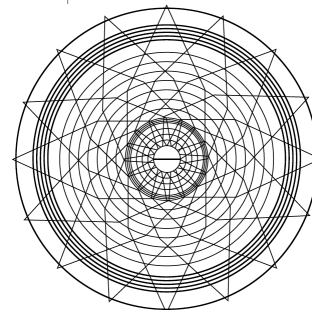
В 1920-е гг. на фоне становления социологии искусства развивается идея работы с публикой художественных музеев. В середине 1920-х гг. в Государственной Третьяковской галерее появляется экскурсионно-просветительский отдел. Перед его сотрудниками встают различные методологические проблемы. Для их решения потребовалось наблюдение за поведением и движением публики по залам галереи, составление и анализ анкет и опросных листов. Полученные данные влияли на составление экспозиций и план экскурсий. Вероятно, тогда же появляются книги отзывов, призванные помочь в учете зрительской реакции в годы становления методологии работы с посетителями и поиска коммуникативных форматов. По виду они представляли собой сшитую тетрадь или нечто вроде амбарной книги, на обложку которой наклеивалась бумага с надписью «Книга отзывов» или «Книга впечатлений». Дореволюционные музейные книги в основном имели задачу вести учет посетителей: указывались имя и род деятельности. В театральном музее им. А. А. Бахрушина, посетителями которого во многом было

[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов



театральное сообщество, эта традиция сохранилась и в 1920-е гг. В толстом золоченом фолио в 1923–1925 гг. по-прежнему нет никаких комментариев, только имя или организация под датой:

5 июня 1924

Рыбаков студент Вхутемаса¹

2 марта 1925 года

Мария Чехова²

Отзывы 1920-х гг. из Государственного музея Л.Н. Толстого весьма эмоциональны и отличаются индивидуальными интонациями:

Я стоял на пороге Астаповской комнаты, не смел переступить его.

Глубокое чувство грусти, приковало меня к месту.

<роспись>, Сибирь

2 VII-24

Лирический тон, который позволяют себе посетители, не распространяется на общественное поле, не является его частью, как это будут показывать многие примеры 1930-х годов. Как записал один посетитель музея архитектуры под открытым небом на территории Коломенского в 1931 г., «музей есть инструмент культурной революции». Действительно, музей в 1920-е гг. — это один из активных «воспитательных» инструментов. Общественная атмосфера с наступлением 1930-х гг. значительно обостряется в условиях централизации культуры, ужесточается контроль за соблюдением идеологических и политических установок, давление от их натиска заполняет все сферы.

Эхо политического воздействия

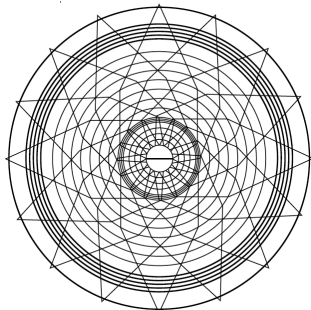
Согласно партийным установкам, искусство и другие сферы культуры следовало рассматривать под углом истории классов и их отношений, как это выше доказали архивные данные из Исторического музея. Музей изобразительных искусств, 1934 год:

Группа бойцов ИПСД получила очень много полезного, ознакомились с искусством Египта.

Руковод. <руководитель экскурсии> Нюберг очень глубоко понятным языком объяснила бойцам всю идеологию того периода Царствования Фараонов, показав всю эксплуатацию и гнет последних над классами.

¹ Высшие художественно-технические мастерские.

² Сестра писателя А. П. Чехова.



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов

18 10 34

Другая экскурсовод музея была заподозрена в контрреволюционной пропаганде, автор записи призывает ее разоблачить:

Организация ВПГИ (военная). Экскурсовод вел Успенская.

Допускаю<т> троцкистскую контрабанду в вопросе о появлении классов, говоря о реке Нил указала, что он имел хорошую систему оросительных каналов и вот для того чтобы оборонять эти каналы побродило расслоение на классы и после проведения экскурсии говоря с ней о возникновении классов, она ссылалась на установку научных работников и выдержку из Энгельса. А известно, что Троцкий так же ставил, что обороняться общине нужна была организованность, это и породило классы и государство. —

Нелепо полагать что такое протаскивание к. револ. троцкистской контрабанды <фраза обрывается>

парторганизация музея разоблачить тов. Успенскую.

Подпись. участник организации ВПГИ

2 2 35

Данный отзыв дает наглядное представление об общественной атмосфере 1930-х, когда политизация, общественный и государственный контроль жизни и высказывания достигали такого накала, что в рассказе экскурсовода художественного музея о Древнем Египте при желании с легкостью можно было отыскать контрреволюционное, а значит, преступное содержание.

Там же, в марте 1935 г.:

Группа осталась очень довольна экскурсией благодаря внимательному отношению руковода Краснушкиной, которая очень занятно, четко об'яснила материал.

Но я как преподаватель выражаю свое удивление тому, что в Египте по определению экскурсоводов музея была рабовладельческая форма цив-я считаю такое утверждение ошибочным по тем данным (1933 г.) дискуссии об азиатском способе производства, в подобную ошибку впал препод. <В. В.> Струве, которому сейчас дан соотв. отпор.

Затем считаю недостаточно подчеркнутым класс. сущность Египетского гос-ва — упор в основном направлен на культ, оставляя в тени эксплуататорскую сущность гос-ва. По моему это нужно немедленно исправить.

Л. Моргунова, Рабфак им. Покровского

12 3 35³

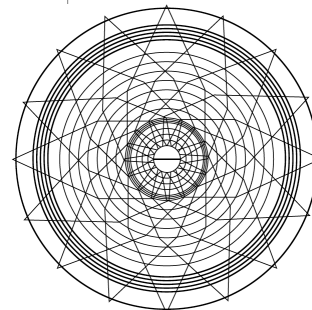
³ Все три отзыва: ОР ГМИИ, Ф. 5, оп. I, ед. хр. 1083.

[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов



Эксплуататорскую сущность в тени оставлять было нельзя, как и подобный упрек — без реакции в то время. Музей дал ответ на последнюю запись с цитатами из Энгельса и Ленина, из журнала «История в средней школе» и конспекта учебника по истории Древнего мира, утвержденного С. Бубновым.⁴

Как видно, ревизия искусства шла далеко за пределы нашей эры и сопровождалась ссылками на актуальные прения, а точнее их итоги, которые становились непререкаемыми аргументами. Авторы отзывов выделяют для себя в рассказе о древнеегипетском искусстве как наиболее важный аспект эксплуататорство, никто не упоминает своих впечатлений от экспонатов музея. Более того, книга отзывов на примере второй записи (от 2-го февраля 1935 г.) выступает как канал для подачи сигнала наверх — «парторганизация музея разоблачить тов. Успенскую». Звучит часто употребляемое в эпоху репрессий слово «разоблачить», которое пропиталось грубой поучающей безжалостностью газетной риторики и крепко вошло в умы склонных к доносительству. Посетитель демонстрировал бдительность в условиях, когда быть просто зрителем нельзя — нужно обладать своеобразной текущей грамотностью: против кого сейчас идет борьба, чьи идеи отброшены, а чьим именем можно успешно оперировать в жалобе и т. п. Выпуски тезисов со съездов и докладов руководящих лиц анонсировались как своеобразный дефицит. Так, например, сообщали, что тираж, в первую очередь, будет распространяться среди подписчиков. Предупрежден тезисами — значит вооружен. К бдительности прибавляется желание сообщить выше о замеченных недопущениях. Наконец, один из отзывов 1938 года, несмотря на свою краткость, бессвязно соединил в тексте три важных компонента-положения, циркулирующих в общественном сознании:

Очень мало в музее (даже совсем нету) современного искусства за исключением нескольких фотографии Ленина и Сталина. Очевидно, руководители музея недооценивают или не понимают, что вечная наука и искусство есть классовые.

Студенты <нрзб.>

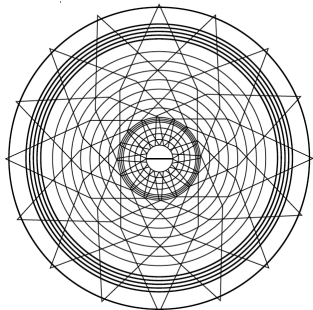
29/1 1938⁵

Первое — это идея важности современного, нового, советского, строящегося, динамичного, отражающего «условия строительства светлой, как день, жизни»⁶, здесь — «современного искусства», что, по сегодняшним меркам, имело с современностью лишь связь в виде синхронности. Второе —

⁴ Бубнов А. С. (1884–1938) — политический и военный деятель, вплоть до своего ареста в 1937 году второй нарком просвещения после А. Луначарского.

⁵ ОР ГМИИ, Ф. 5, оп. I, ед. хр. 1807.

⁶ Цитата из другого отзыва от 24 февраля 1935, оставленного П. Емельяновым из института совправа, призвавшего использовать «сокровища человечества», т. е. экспонаты Музея изобразительных искусств, в «наших условиях, условиях строительства светлой, как день, жизни».



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов

препарирование всей культуры с помощью теории классов: «вечные наука и искусство есть классовые». Третье — имена «Ленин и Сталин» как пароль, аксиома, основа общественно-политической риторики. Их фотографические образы вычленены детектором, воспитанным глазом на их же бесконечных изображениях, окружающих человека в СССР. Советский и российский киновед Е. Марголит писал о кинематографе 1930-х: «Принцип жизнеподобия поставлен во главу угла, притом что жизнеподобие здесь, как ни парадоксально, в высшей степени условно. Это образ действительности, очищенной от всего случайного, стихийного, образ-формула. И в таком виде для зрителя действительность поэтому более подлинна на экране, чем вокруг самого зрителя. Это проясняет для аудитории ее существо» (Марголит 1988: 32). Образы-формулы человек привык видеть (и слышать) вокруг себя — от газетных фотографий и текстов до монументального декора метро, любого общественного места, включая музей. Таким образом, отзыв студентов, сетующих на то, что из современного искусства в Музее изобразительных искусств представлены лишь фотографии В. Ленина и И. Сталина, говорит об их навыке синтезировать и воспроизводить расхожие темы советской идеологии. Профиль музея в подобном случае не имеет значения, и мы встречаем в отзывах Политехнического музея 1930-х гг. хвалебные слова в адрес партии, правительства и «тов. Сталина». Весной 1938-го г. там проходит отчетная выставка, посвященная полярной экспедиции 1937-го года под руководством И. Д. Папанина⁷, в ходе которой дрейфующая научно-исследовательская станция преодолела за 274 дня 2000 км по направлению к Северному полюсу. Участники были окрещены «героической четверкой» и «сталинскими питомцами», внимание к экспедиции было весьма велико: «папанинцев» встречали толпы, с их изображением выпускалась различная типографская продукция от плакатов до марок, фаянсовые фигурки и проч. Из книги отзывов:

«Выставка организована прекрасно. Посетитель получает полное впечатление о героических буднях славной четверки папанинцев, ее работах и достижениях, а также о том, как любовно и заботливо подготавливала эту экспедицию наша социалистическая родина

А. Петров

Варшавский

8.5. 1938 г.

Когда осматриваешь эту ценную выставку, снова переживаешь все волнующие события в жизни дрейфующей станции “Северный полюс” имена героической “четверки”, беззаветно выполнившей Сталинское задание, уйдут в века, как символ величайших научных дерзаний людей Сталинской эпохи!

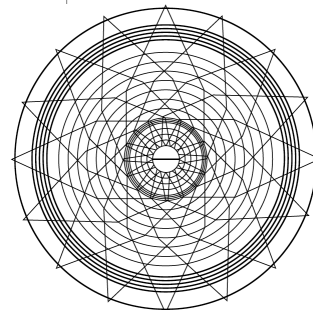
⁷ Всего участников было четверо: И. Д. Папанин, П. П. Ширшов, Е. К. Фёдоров, Э. Т. Кренкель.

[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов



Желательно сделать ряд добавочных надписей (кубатура палатки, библиотека дрейфующей станции - список книг, "день" дрейфующей станции, мировая печать об итогах работ папанинцев (отзывы наших друзей и врагов). Нужен также календарь важнейших дат дрейфующей станции со дня выезда из Москвы до 274 дня дрейфа.

Литработник Дм. Янушов <Якусов?>

9 V 38

<...> Еще осознаешь все величие подвига наших героев, посмотрев ближе те условия жизни в которых папанинцам пришлось работать. Чувствуется какая глубокая забота со стороны партии и правительства была оказана по подготовке этой экспедиции. <...>

10 IV 38

студ. Голуб и <нрзб.>

Честь и слава Героям Папанинцам, Сталинским питомцам. Только большевики могут иметь таких людей!

10 IV 38

Выставка завоевание северного полюса хорошо показывает в каких условиях работали Папанинцы на северном полюсе. Оборудование и инвентарь говорят о том что партия и правительство делает все что-бы советским ученым удобно было работать даже на северном полюсе, партия и правительство заботится о каждой научной работе о каждом отдельном работнике. <...>

26/V 1938 Союз парикмахеров.

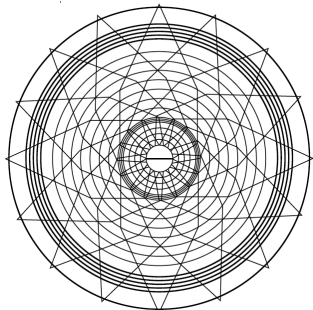
<две подписи>

Освоение севера в 1930-е гг. сильно волновало людей (как позже освоение космоса в 1960-е годы)⁸. Помимо гордости и радости, в отзывах наблюдается пристрастное внимание к деталям. Авторы многих отзывов воспринимают экспедицию как очередной успешно взятый рубеж, доказывающий превосходство советской власти.

Мы и другие. Сравнение достижений

В некоторых отзывах встречаются отсылки к видению роли собственной страны (СССР) и ее граждан-представителей разных профессий, будь то художники или ученые. Иногда возникает упоминание Запада в достаточно различных контекстах (как чуть выше «отзывы наших друзей и врагов» в мировой прессе), однако из них возможно выделить кое-что характерное.

⁸ В эти годы происходит плавание и катастрофа «Челюскина», ледореза «Федор Литке» (1934), дрейф «Седова», «Малыгина», «Русанова», перелеты через Северный полюс В. Чкалова и М. Громова (1937).



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов

Через выставку Политехнического музея 1934–1935 гг. «Наши достижения» прошли десятки тысяч посетителей. Выставка была приурочена к XVII съезду ВКП(б) и должна была отразить прорыв первой пятилетки. После своего завершения она осталась в основной экспозиции, фактически вытеснив ее. Осмотрев советские технические достижения, один из посетителей записал:

Я работал на капиталистических предприятиях царской России и соединенных штатов америки на протяжении 18 лет. Видел расцвет капиталистической промышленности в самые лучшие времена капитализма во времена так называемого “просперити”. <нрзб.> какими жалкими показываются эти успехи капиталистической индустриализации, с тем, что страна советов успела за эти считанные несколько лет. Но не это еще самое важное. Самое важное заключается в том, что рабочих всегда пытались убеждать ... и “вожди” из желтого <нрзб.>, что все держится на “капитанах индустрии” а под “капитанами индустрии” подразумеваются хозяева, капиталисты. Стоит только их отстранить, как развалится, а здесь мы видим, что рабочий класс прекрасно справляется со своими историческими задачами только после того, как он освободился от своих “капитанов индустрии”, приобрел неимоверную непобедимую силу.

Б. А. Бродский

завод “Электроприбор” Ленинград

5 V 1935⁹

В этом отзыве сравнивается капиталистический строй США с социалистическим рывком и потенциальными мощностями советского рабочего класса. Представитель ленинградского завода «Электроприбор» еще раз прописывает советскую истину: капитализм — зло, прибавляя личное свидетельство, чтобы у читателя записи не оставалось никаких сомнений.

В 1936 году там же проходила выставка меховой промышленности. На ней были представлены последние модели верхней одежды и аксессуаров из меха производства различных советских фабрик. Встречаем здесь некоторый штрих к теме противопоставления советской стороны США:

Прекрасно организованная выставка заслуживает внимания широчайших масс потребителя общедоступными ценами и красивым и разносторонним ассортиментом. Но к сожалению имеется один существ. недостаток а именно: нет приема заказов и доставки их на дом. получается не практичность. нет американской деловитости. Мне

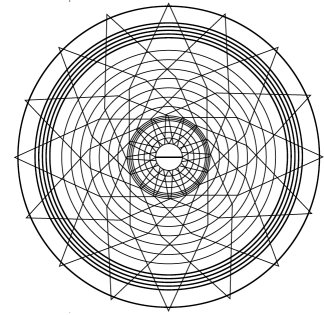
⁹ ДФ ПМ, Ф.100, оп. 25, КП 30250/40.

[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов



*понравилась шапка эскимоска из цигейкой овчины для себя и черное
манто из щип. кролика но приобрести я не смог ухожу разочарован
26 III 36*

«Нет американской деловитости», — пишет автор. Значит, в определенном случае некоторые «американские» черты могут быть положительными, хотя деловитость, в представлении посетителя, вероятно, не так уж сильно удалена от образа капиталиста, так как «американец» почти всегда было равно «капиталист». Однако, можно также предположить, что здесь приписывание черты деловитости американцу сравнимо, например, с идеей «немецкой точности», «английской пунктуальности» и т. п.

Там же:

*Выставка — весьма убедительный аргумент в пользу нашего роста и тех
необычайных перспектив нашего благосостояния в дальнейшем,
которое не за горами и которое возможно лишь от Советской власти.*

<подпись>

Тушинская площ. д 8 кв 34¹⁰

Здесь посыл о превосходстве СССР заключен в немного уклончивую формулировку, используются слова, относящиеся не совсем к действительности, — «аргумент в пользу нашего роста», — видимо, если есть аргумент, то есть и некоторый спорный момент, затем слова «перспектив... в дальнейшем» и «не за горами» уводят взгляд в будущее от фактов настоящего.

Еще одно мнение об уровне того, что есть в СССР относится к художника, а именно, к тем, чьи работы демонстрировались в Третьяковской галерее:

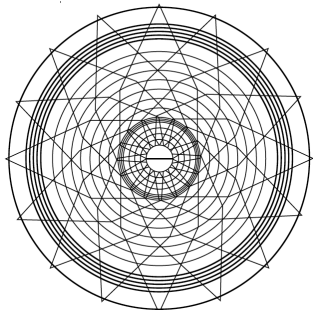
*Я осмотрел всех художников Третьяковской галереи и очень удивился
мастерству этих художников. Я не буду перечислять хороших
художников, когда они очень хорошие. Сам я не художник но понимать
изящество очень могу. Я еще молод 18 лет, но сегодня я стал стариком,
потому что много увидел и узнал. Не могу описать все те восторги,
которые у меня ноходятся. Еще нет таких художников за пределами
России или вернее, как у нас в СССР. Почему, да потому, что я слышал
от немцев и французов этот восторг о наших художников. К сему я
закрываю всю свою писанину и очень благодарен, что наши художники
России еще не кому не дали их перегнать.*

<подпись>

13 августа 1938 г.¹¹

¹⁰ ДФ ПМ, Ф.100, оп. 25, КП 30250/63; Ф.100, оп. 25, КП 30250/64.

¹¹ ОР ГТГ, Ф.,8, оп. III, ед. хр. 646.



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

*Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов*

Автор записи решил не перечислять понравившихся ему художников, потому что они «очень хорошие», изобразительное искусство сравнивается со спортом или фабричными темпами («перегнать»). В общем тоне отзыва, которому не чужд своеобразный пафос («понимать изящество очень могу», «сегодня я стал стариком», «еще нет таких художников...» «к сему я заключаю...») определенно содержится восторг. Как в случае с записью о капиталистической промышленности, приведен аргумент «я слышал от немцев и французов», то есть даже некие иностранцы признают превосходство. Вопрос лишь в том, о каких художниках пишет этот посетитель, и о каких говорили «немцы и французы». К слову, в отзыве шестиклассников, в 1935 г. посетивших галерею, читаем: «... Мы вас спрашиваем, почему мало картин советских художников. Мы не ожидали, что увидим такое множество картин, даже от очень старых времен. Нас удивило несколько картин в нижнем зале: черный квадрат¹² и мужчина с двумя глазами на одной стороне». Однако, юноша уже не мог видеть авангардных работ К. Малевича — они были сняты в 1936 году.

Похожее победное настроение у зрителей отчетной выставки «Северный полюс», о которой говорилось выше.

Выставка произвела на меня глубокое впечатление. Смотришь на папанинскую палатку, оборудование и невольно воскликнешь:

“Вот какие советские люди!”

В. Лапутина

<10 мая 1938 г.>

Честь и слава Героям Папанинцам, Сталинским питомцам. Только большевики могут иметь таких людей!

10 /V 38

Мнение о какой-либо своей исключительности дает неоднозначную характеристику своим приверженцам, и более того в случае с восторженным превозношением советского строя.

Для многих, независимо от удаленности от Москвы, в середине 1930-х гг. почти программно сверху провозглашается, что он/она «другой такой страны не знает», через песню из к/ф «Цирк» (1936 г., реж. Г. Александров), и следовательно, таких людей, таких художников, такой промышленности и т. д. Вспомним, что сценарий фильма складывается как раз вокруг взаимоотношений американской и советской сторон, люди и уклад жизни в стране Советов выступают в фильме как светлая спасительная сторона.

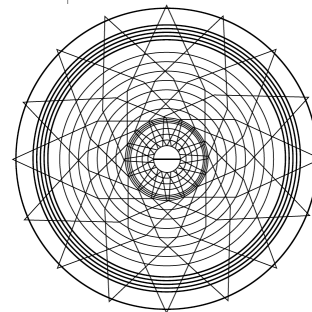
¹² Картина К. Малевича «Черный супрематический квадрат», 1915 г.

[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

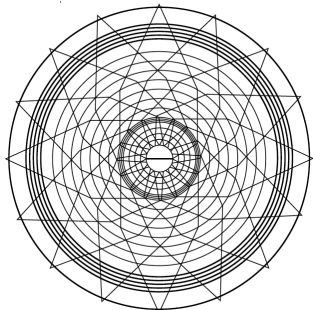
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов



Кто и как оставлял запись в книге отзывов

Значительная часть отзывов в книгах 1930-х оставлена группами от организаций разной направленности: металлургического завода, мясохолодильного комбината, театра, специализированного полка, профессионального или идейного союза, вуза, оздоровительного лагеря, рабфака и т. д. Как видно из записей, для этого делегировали одного-двух человек. Тип отзыва от группы заметно влияет на запись лексически, отчасти по содержанию, и даже вносит в нее некую устойчивую конструкцию. Работе с группами отводилось основное внимание, многие индивидуальные посетители оказывались растерянными, так как путеводитель был редким и малодоступным явлением, навигация по экспозиции также оставляла желать лучшего. Например, в Политехническом музее (1934 г.): «Нужно пожалеть, что “неорганизованным” посетителям не оказывается никакого внимания. Прошагать несколько часов в музее, созерцая безмолвие, незнакомые приборы и машины и не услышав ни слова объяснения, — все же досадно», — записал студент и лаборант физического кабинета Учебного комбината В. И. Фандив, проживающий в Гагаринском переулке. Там же, на Всесоюзной выставке радиолубительства в 1938 году, после записи «всем радиовыставка понравилась» идет приписка другим почерком: «...только экскурсоводы все находятся в отсутствии. За экскурсоводов приходится обеснять техничкам. 21/IV 38». Третьяковская галерея, тот же год: «Мы, экскурсанты, посетив в Третьяковскую галерею, но за неимением консультанта ничего абсолютно не поняли. И поэтому, хотя картины на вид хороши, но смысл не понятен. Просим администрацию побеспокоиться о консультантах на протяжении всего дня, т.е. от 10 утра до 9 вечера».

Отзыв от группы — коллективный, а значит, обезличенный и выносящий на первый план особые критерии оценки: качество экскурсии, степень удовлетворенности, которые заключаются в сглаженную форму, почти в шаблон. Распространенными становятся слова и конструкции: «в простой и доступной форме», «дала яркую картину», «удовлетворены», «выносим благодарность», «выставка дала иллюстрацию к проработанному материалу», «руководитель разрешил поставленные задачи», «живо и ярко», «красочно-хорошо», «доходчиво разъяснила», «констатируем» и т. п. Как правило, групповой отзыв содержал два компонента: впечатление от экскурсии и мнение о работе руководителя, или «руководя». От записей веет установочными бодрими призывами, отчетами, телеграфным стилем. Создается впечатление, что речь идет о какой-то приемке, оценке услуги по каким-то непрописанным правилам, где важна доступность и соответствие норме. По-видимому, каждая группа имела негласную обязанность написать отзыв в книгу — настолько они формальны и схожи: группа экскурсантов от N-ой организации прослушала экскурсию тов. X, удовлетворены, выносим благодарность — дата, подпись.



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов

Слова про вечное и великое исходили из официальной риторики и порождали не менее пафосные признания:

«Выставка будит к глубокому труду и призывает работать в низах населения ради великих задач просвещения». Или:

*Выставка произвела на меня глубокое неизгладимое впечатление. С тех пор как я посетила ее почувствовала в себе приток новых сил вышла из этого здания с твердым намерением учиться, учиться и учиться, как завещал нам наш великий вождь учитель В. И. Ленин Уч-ца 5-го класса 13 школы Ф.О.Н.О М. Иванова»
<1935 г., Политехнический музей>¹³*

В отзывах прилежных школьниц особенно четок отпечаток читаного и слышанного, со всех сторон окружающей ребенка идеологии.

Один пример 1926 г. из Государственного исторического музея позволяет представить, как могла проходить запись:

*Какая фабрика, сколько человек 13 посетили вы Военно - Исторический музей. Впечатление осталось хорошее. Руководителем остались довольны.
24 января 1926 г.»*

Вероятно, отзыв написан под диктовку и безотчетно. Может сложиться впечатление, что кто-то говорил, что и в какой последовательности следует указать, а растерянный человек сразу принялся записывать, не подставляя нужное, указав лишь фактическое количество человек.

Редкие сторонние сведения о посетителях хранит архив Дарвиновского музея: основатель и директор музея А. Ф. Котс вел собственные учетные записи о посетителях, которым он проводил экскурсии. В них он давал характеристику группы, пометчая количество и откуда она. Так, педагоги из Тифлиса, Смоленска и Нижегородской губернии в количестве 50 чел. — это «безрадостная группа: типично интеллигентская — в фешенебельных туалетах, с крашенными губами и “снисходительно приятным” отношением к работе. Немногие затерявшиеся пролетарские участники не смогли сгладить впечатление никчемности всей работы». Из практики Котса — худшие экскурсанты из подмосковных уездных городов, так как они присаживаются и часто поворачиваются спиной, не разделяют «подготовленности столичных жителей и непосредственность провинциальных», «оживляются только при шутках».

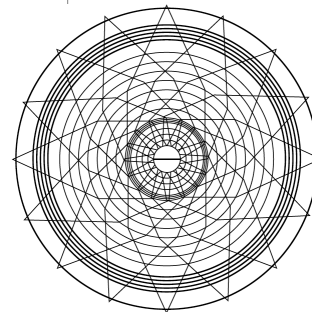
¹³ ДФ ПМ, Ф.100, оп. 25, КП 30250/40.

[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов

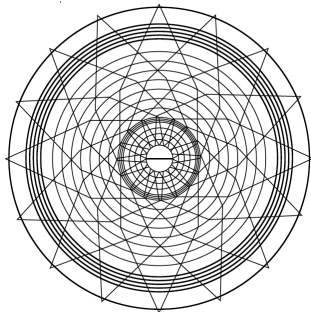


Характер критики произведений и экспозиции

В 1930-е в стенах художественного музея дискуссия могла вестись скорее о классовой принадлежности искусства, но не о его художественно-эстетических составляющих. Конечно, звучали предложения и замечания по поводу самой экспозиции, но если они не были связаны с повседневными, бытовыми моментами работы музея, то могли касаться усиления идейной составляющей в экспозиции. Так, двое молодых людей, один из которых аспирант-искусствовед, предлагают внести изменения в пояснительные таблицы в залах. Первый пункт, который отведен понятию «стиль», на их взгляд, следуют заменить на «идеология», чтобы картины «мыслились из характера эпохи». Само искусство названо «результатом общественной деятельности людей области искусства». Также им показались слишком упрощенными предложенные в существующих таблицах музея («синхронистических» таблицах) «деления классовой борьбы и политики»¹⁴. Двое других посетителей были менее требовательны и записали: «...На примере искусства феодальной эпохи и эпохи возрод. нам совершенно ясна классовость искусства, ее служебная роль господ. класса. /12 IV 34».

На тот момент для официальной художественной критики одним из критериев картины как подлинного произведения искусства являлась очевидная затрата времени на ее создание и полная ясность изображенного. «Сделанность» работы противопоставлялась легкой эскизной манере и продвигалась как условие настоящей живописи реализма. Один из газетных разборов творчества в 1936 году в «Литературной газете» был посвящен выставке Артура Фонвизина и предлагал цитаты из книги отзывов: «Если художник сам понимает то, что он пишет, то его счастье. Большинству зрителей ничего непонятно». Или: «От выставки ждали очень много, но получено ровно ничего, это искусство не для широких масс, а для избранных». Автор заметки о выставке Фонвизина — Владимир Кеменов — директор Третьяковской галереи в 1938–1940-х гг. заключает: «Как видно, и поклонники и противники Фонвизина сходятся на том, что его искусство недоступно массам. Дальше мнения резко раскалываются. Одни считают, что художник отстает от масс, другие, наоборот, требуют, чтобы массы сами доросли до понимания живописи Фонвизина» (Кеменов 1936: 6). Характерная черта десятилетия — главенство партийной критики над искусствоведческой, поэтому искусствоведческая имеет мало веса, а ее язык уподобляется критике рассуждающего непрофессионала. Один из функционеров МОСХа по фамилии Жуков на дискуссии во время отбора скульптуры для ежегодной выставки МОСХ произнес слова: «По-моему, нашей величайшей критикой является массовая критика, а не искусствоведов» (Плампер 2010: 329). В таком случае, книги отзывов должны были стать рупором этой критики.

¹⁴ О.Р. ГМИИ, Ф. 5, оп. I, ед. хр. 1083.



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов

Часто вся суть критики сводилась к замечаниям. Во время отчетной выставки экспедиции «Северного полюса» в Политехническом музее внимательные посетители отмечают, что на представленных железных предметах оборудования ржавчина, на меди — окись, а на изделиях из кожи — плесень. У одного посетителя возникает вопрос, почему не показали упомянутые экскурсоводом подушки, не дали характеристику материалов одежды папанинцев, не показаны конфеты, которыми они «достоверно питались». «Хотелось бы видеть весь набор», — записал этот человек. Естественно, ни о каком решении экспозиционного пространства речь в отзывах не шла, материал был самодостаточным. В 1936, двумя годами ранее, там же, в Политехническом музее, проходила Выставка достижений меховой промышленности. На ней демонстрировались меховые изделия различных фабрик:

«Первое впечатление при входе по лестнице: жуткие уродливые полусвалившиеся фигуры, вещи на подобных уродах выглядят отвратительно несмотря на новизну покроя и красоты подбора меха. Также убого выглядят и вертящиеся фигуры в зале. Просто жаль вещей, которые на них показаны» <...>

*“Декоратор” Ленинградского Ателье мод
24 3 36*

«... Непростительный минус оформления выставки это освещение допотопным способом открытого источника света к тому же дешево рыночно оборудованным».

Все же общий тон отзывов выставки меховых моделей — довольное одобрение, регулярно омраченное невозможностью купить в магазине что-либо из представленного: «Выставка очень хороша, но когда все это будет в продаже!»

Закономерен вопрос о контроле. В десятках просмотренных книг не было вымаранных мест или вырезанных листов. Вероятно, действовало личное ограничение со стороны зрителя при двух условиях. Первое — это самоцензура, утверждающаяся в это десятилетие как синоним самосохранения. Второе — это обстоятельство места, т. е. музей, общественное пространство, обставленное сакральными элементами (символами власти, ее олицетворениями, лозунгами), а в ином случае еще и с колоннадой, анфиладами и монументальной живописью. Был и другой формат — отдельные листы, которые опускали в специальные ящики для них¹⁵. Затем эти тонкие, из дешевой бумаги листы сшивали, иногда предварительно перепечатав на машинке.

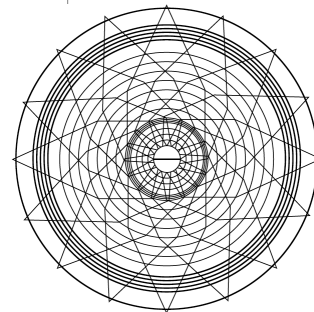
¹⁵ Об этом сообщает бывшая сотрудница ГТГ в беседе с Я. Плампером, которую он приводит в своей книге. Там же процитирована запись из дневника Е. Ворошиловой, в которой она выражает недовольство работой зрителя, не проследившего должным образом за книгой отзывов.

[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов



Не стоит забывать, что в советской действительности 1930-х было не так много возможностей для высказывания, с которым могли ознакомиться другие люди. Каждое опубликованное высказывание, стенгазета, творческая самодеятельность — все, что было откликом снизу, всегда подчинялось цензуре. Материал книг отзывов любопытен своей инструментальной неоднозначностью в этом свете. Мы видим тенденцию ухода от критического взгляда на увиденное в стенах музея и стремление к использованию книги отзывов в косвенных от ее основной функции целях. Любопытно, что в 1950-е их характер несколько меняется, он становится чуть более критичным, и критичность эта даже вариативна: уровень продуманности и качество экспонирования вне идеологических принципов, размышления о собственной невключенности в мировые художественные и технические процессы, расширение спектра причин личного недовольства от посещения. Конечно, контраст 1950–1953 гг. с 1953–1959 гг. весьма силен. До 1953 года еще можно встретить сочиненные песни и оды вождю, в 1955 вопрос «почему не представлены в музее подарки тов. И.В. Сталину, которые в течение ряда лет служили символом для Победы и служили бы еще бесчисленное количество лет»¹⁶ выделяется на общем фоне, а уже в 1957 году «большинство картин фестивальной выставки написаны в духе эмпрессионизма, и кроме осуждения, у людей появляется желание узнать, как зародилось это течение, в чем его особенность. Ваш музей не дает ответ на этот вопрос...».¹⁷

Тексты отзывов: между личным и общественным мнением

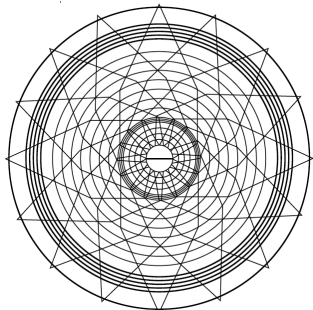
Человек растворялся в коллективном отзыве, всегда устранял свое личное впечатление, никогда мы не встретим приписки вроде «от себя я добавлю...» или «а лично мне...». Дух коллективизма проникает повсюду и требует подчинения своим лозунгам и принципам, поэтому в отзывах иногда чувствуется, как человек не только отдается риторике, но и как он с ее помощью будто бы осознанно встраивается в ряды, в которых чувствует себя в устойчивых, а значит безопасных, как ему кажется, рамках. (Музейные) отзывы примечательны положением автора: оно погранично, вариативно и неоднозначно. Дневник есть текст личный, индивидуальный, как бы порой некий «автор этих записок» или «ваш покорный слуга» ни пытался иносказаниями отвести от себя внимание. Текст отзыва, который подразумевает описание собственного впечатления, и далее в составе книги отзывов их множество — тоже личный. Отзыв, в отличие от дневниковых заметок — это разовое письмо и тип публичного высказывания,

¹⁶ ОР ГМИИ, Ф. 5, оп. I, ед. хр. 2030а, отзыв от 8 февраля 1955 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в 1949–1953 был занят экспозицией «Выставки подарков И. В. Сталину» к 70-летию вождя.

¹⁷ ОР ГМИИ, Ф. 5 оп. I, ед. хр. 2079а, отзыв от 15 августа 1957 г.

VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1957 г., Москва, 30 июня — 11 августа.



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов

существующего в официальной обстановке (музей). В случае материала 1930-х гг. компонент общественного в этом гибриде сильно выдается, так как границы личного в реальной жизни были очень узки и за пределами музея. В кино этих лет мы заметим, что все «личные» отношения героев существуют в самой тесной связи с жизнью коллектива, они инкорпорированы в жизнь учебной группы, цеха, бригады, команды и т. п. (см. напр. «Строгий юноша», 1936 г., реж. А. Роом; «Трактористы», 1939 г., реж. И. Пырьев; «Цирк», 1936 г., реж. Г. Александров).

Авторы записей иногда оставляют отзыв с явной мыслью быть услышанными (напр., «Вниманию Всесоюзного Комитета по делам искусств...», «Я хочу обратить внимание партийной организации и Месткома Музея...») не только по поводу проведения экскурсии или строя экспозиции, но касательно идейного соответствия различным советским дискурсам 1930-х гг. Редко, но все же люди выражают просьбу ответить им по указанным контактам на замечания или вопрос. Совсем не часто в книгах видны пометки со стороны музея, приписки перенаправить обращение ответственному, но это не означает, что содержание книг оставалось без внимания: их обязательно просматривали. Уподобленные друг другу отзывы от групп упрощали задачу вновь прибывшим: можно было посмотреть, по какой схеме пишут благодарственные отзывы на предыдущих страницах. Каждый отзыв был автономен — идеи дискуссии не возникало, по основным вопросам предполагалась солидарность. Однако на страницах книги отзывов Третьяковской галереи к выставке Исаака Левитана в 1938 году возникает неожиданная скромная полемика о натурализме и ценностях живописи:

Очень замечательная выставка этого художника с большой душой человека-творца. Его творчество незабываемо, трогательно, призывающе. Уходя становится грустно, что такой талант так рано угас. Но творчество Левитана говорит о борьбе за жизнь, за преодоление жизненных трудностей, как в труде, науке и особенно в искусстве. <...>

Молод. художник Розенберг

2 VIII 38

Не знаю, что трогательно нашел молодой художник Розенберг в картинах Левитана.

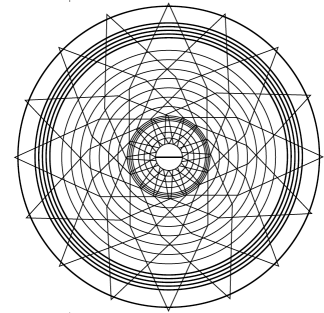
Я, как не художник, говорю просто свои впечатления. Посмотрел я сначала акварели графа Ф. Толстого, а затем “фиалки” Левитана. Ну полнейшая противоположность. Там можно сосчитать каждую жилку листочка, лепестка, там в малюсенькой ягодке смородины отражается оконная рама, тут — мазня, если бы не была она подписана “фиалки”, я не узнал бы, что это цветы. В пейзажах его, (увы!) тоже ни трогательного, ни замечательного не нахожу.

[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов



Может быть я близоруко смотрю и сужу? Что за нужда судить как все?! Там я смотрю и у меня радуется душа, я понимаю, что такое истинное искусство. А искусство людей, которые воспевают эти “фиалки”, этого искусства я не понимаю.

Конпавпол

Глупо написано.

Фиалки — живые. Все — живое.

А вы — мертвый человек.

В. О.

5-VIII-38

Писарким почерком написаная глупая похвальба своего “особого вкуса” кажется еще глупее.

Все три пометки глупы

<подпись>

Тогда же оставлен довольно нехарактерный для общего потока отзыв, который касается не только Левитана, но и «галереи вообще», и творчества М. Врубеля в частности, чей «труд остался не понятым, мало того, исковерканным сперва вульгарным “социологизированием”, а затем пошленькими фразами о “знаменитости” и “крушении “человеческого” духа. Изредка посетитель с глубокомысленным видом заметит “да, у Врубеля есть декоративные способности” !!!». И далее: «Зал Нестерова проходят экскурсии и руководитель никогда не обратит внимания зрителей на поэзию, проникновенность и огромную живописную мощь его картин.

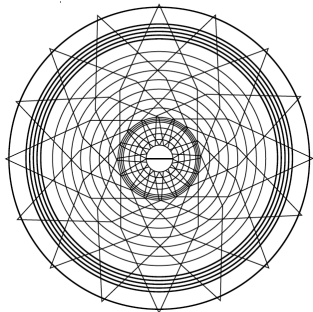
Вероятно, экскурсоводы боятся за религиозные названия его картин? Не бойтесь, зритель поймет многое если вы сумеете его посвятить в творчество художника. А, то, ведь, обидно! И почему, в конце концов, беседы ограничиваются названием картины и кратким изложением социологических основ картины?

Почему? или не пришла еще пора когда советский зритель получит возможность полноценно воспринимать классическое наследство?

Или...безграмотны экскурсоводы?!?»

Подпись под этим отзывом — «П.К.» (художник Петр Кончаловский?)

С политическими изменениями и сворачиванием исследовательских лабораторий изучение зрителя было приостановлено. Посетители уже отнюдь не единицы для изучения и анализа, как это часто было в 1920-е гг. (с театральной публикой, музейной, читателем), а масса, которая успешно воспитывается. С отпадением исследовательской работы книга отзывов начинает превращаться в атрибут. В случае с оценкой художественной выставки



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

*Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов*

или творчества отдельного художника книга отзывов иногда становится скорее инструментом в руках противоположной стороны — политической власти, которая внушает, что мнение рабочих масс должно влиять на живописный курс художника. В какой-то степени исследовательские интересы (музееведения) 1920-х гг. в последующее десятилетие сменяются на политические. Трансформация книги отзывов и взгляда на посетителя — частный пример этого процесса, распространявшегося в сталинское время на многие научные сферы.

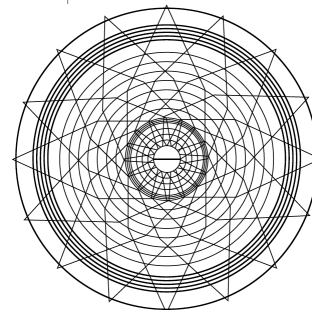
Подводя итоги проведенного обзора материала книг отзывов, надо еще раз сказать о степени политизации экспозиции и аудитории в 1930-е гг в СССР. Музей не мог быть аполитичным согласно государственной установке (Шнеерсон 1932). Экспозиция, темы выставок, их названия и способ представления материала должны были транслировать программные положения, касавшиеся революционного движения, эксплуатации, классовой борьбы, победы социализма и т. д. Для большинства зрителей все эти темы не были чем-то внешним, они существовали в сознании. Этот факт находит отражение в таком предмете музейной жизни, как книга отзывов. Среди благодарностей часто встречаются различные высказывания, связанные с идеологией и марксистско-ленинским учением, зритель соотносит с ними увиденное и услышанное в музее. Усиление власти и развитие тоталитаризма провоцируют утверждение мифа об исключительном превосходстве советской системы в контексте складывающейся резервации внутри своих ментальных и географических границ. В репликах посетителей мы слышим эхо этого процесса. Тон и лексикон эпохи через официальную печать, выступления руководителей проникают в массовое употребление. Отпечаток этих речей — в словах и конструкциях записанных отзывов, особенно коллективных. В них в наибольшей степени происходит сближение с текущей риторикой. Критический взгляд на увиденное в музее или на выставке не имел отражения в записях. Профессиональная художественная критика не получает голоса и не учитывается параллельно с отменой права на существование «ошибочных», «тупиковых» художественных направлений. Критика любых областей проводится, в первую очередь, в отношении политической пристойности. По сути, записи 1930-х обращаются в русло двух категорий: «хорошо» или «никак». Формальное и содержательное многообразие голосов, которого стоило бы ожидать от конкретных людей, переживающих эпоху обновления социального устройства, имеющих достаточно мало вариантов и возможностей для выражения своего мнения, не так давно вхожих в музейную культуру, и, следовательно, обладающих более свободным восприятием, оказывается невозможным. В результате первая категория «хорошо» — восторженная, с описанием своих впечатлений, а вторая, по сути, «никак» — абсолютно формальная («Спасибо тов. N за экскурсию, благодарны, удовлетворены»). В условиях мощного политического давления на общество, эпизод выражения себя в небольшом открытом тексте превращается в очередной акт сверки себя с нормами режима.

[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов



БИБЛИОГРАФИЯ

Буянова Н. (2015) Экскурсионная деятельность Третьяковской галереи в 1920-годы (по материалам ОР ГТГ). Л. И. Иовлева, Т. В. Юденкова (ред.), Третьяковские чтения–2015 (369–389). М.: Гос.Третьяковская галерея.

Добренко Е. (1997) Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы, СПб.: Академический проект.

Кеменов В. (1936) О формалистах и “отсталом” зрителе. Литературная газета, 24 февраля 1936, 6.

Марголит Е. (1988) Советское киноискусство. Основные этапы становления и развития, М.: ВЗНУИ.

Плампер Я. (2010) Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве, М.: Новое литературное обозрение.

Розенталь Л. (ред.) (1928) Изучение музейного зрителя: Сборник методическо-просветительского отдела., М.: Изд-во ГТГ.

Фохт-Бабушкин Ю. (ред.) (2014) Публика художественных музеев и выставок в России: социологические свидетельства 1920-1930-х годов, СПб.: Алетейя.

Розенталь Л. (1929) По залам художественных музеев. М.: Прибой.

Шнеерсон Н. (1932, 2015) Музейная экспозиция или театральная постановка? в сб. Авангардная музеология (под ред. Жиляева А.). М.: VAC Press, 2015. С. 337-345.

ДФ ПМ, Ф.100, оп. 25, КП 30250/40

ДФ ПМ, Ф.100, оп. 25, КП 30250/63;

ДФ ПМ Ф.100, оп. 25, КП 30250/64

ДФ ПМ, Ф.100, оп. 25, КП 30250/40

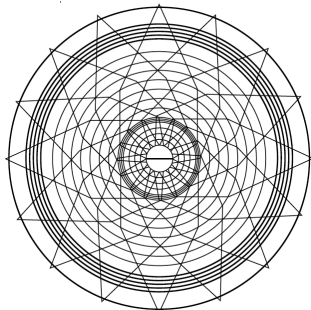
ОР ГМИИ, Ф. 5, оп. I, ед. хр. 2030а

ОР ГМИИ, Ф. 5 оп. I, ед. хр. 2079а

ОР ГМИИ, Ф. 5, оп. I, ед. хр. 1083

ОР ГМИИ, Ф. 5, оп. I, ед. хр. 1807.

ОР ГТГ, Ф.,8, оп. III, ед. хр. 646



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

*Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов*

Сокращения:

Архив ГДМ — Архив Государственного Дарвиновского музея

ОР ГМИИ — Отдел рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина

ОР ГТГ — Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи

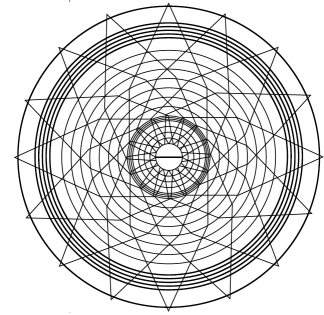
ДФ ПМ — Документальный фонд Политехнического музея

[Научные статьи]

Милановская Е.С.

Советский посетитель музея 1930-х годов:

характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов



SOVIET MUSEUM VISITOR OF THE 1930S: THE NATURE OF THE VIEWS AND PERCEPTIONS ON THE MATERIAL OF BOOK REVIEW

Milanovskaya E.S.

Graduate student National Research University

Higher School of Economics (Moscow, Russia)

millelya@yandex.ru

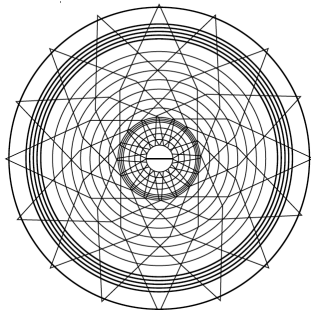
Abstract:

The following article aims to examine the identity of a Soviet museum visitor by analyzing visitor comment books of the 1930s. The content of the comment books from the type-different Moscow museums is full of the time echoes. The article analyses the social atmosphere, the power of propaganda and options of specific individual voices which were fixed on a paper in a direct speech way. The view on notes helps to understand how actively did the audience respond to the manifestation of ideology and what was the kind of control over what visitors wrote in the books.

Keywords: museum visitor, museum comment book, USSR, ideology, museum visitor, 1930s, public and personal voice

REFERENCES

- Buyanova N. (2015) *Ekskursionnaya deyatel'nost' Tret'yakovskoy galerei v 1920-gody (po materialam OR GTG)*. L. I. Iovleva, T. V. Yudenkova (Ed.), *Tret'yakovskie chteniya–2015* (369–389). M.: Gos.Tret'yakovskaya galereya.
- Dobrenko E. (1997) *Formovka sovetskogo chitatelya. Sotsial'nye i esteticheskie predposylki retseptsii sovetskoy literatury*, SPb.: Akademicheskij proekt.
- Kemenov V. (1936) *O formalistakh i "otstalom" zritele*. *Literaturnaya gazeta*, 24 February 1936, 6.
- Margolit E. (1988) *Sovetskoe kinoiskusstvo. Osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya*, M.: VZNUI.
- Plamper Ya. (2010) *Alkhimiya vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve*, M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Rozental' L. (Ed.) (1928) *Izuchenie muzeynogo zritelya: Sbornik metodicheskoprosvetitel'skogo otdela.*, M.: Izd-vo GTG.



[Научные статьи]

Милановская Е.С.

*Советский посетитель музея 1930-х годов:
характер взглядов и восприятия на материале книг отзывов*

Rozental' L. (1929) *Po zalam hudozhestvennyh muzeev*. M.: Priboj.

Fokht-Babushkin Yu. (Ed.) (2014) *Publika khudozhestvennykh muzeev i vystavok v Rossii: sotsiologicheskie svidetel'stva 1920-1930-kh godov*, SPb.: Aleteyya.

Shneerson N. (1932, 2015) *Muzejnaya ekspozitsiya ili teatral'naya postanovka? v sb. Avangardnaya muzeologiya (pod red. Zhilyaeva A.)*. M.: VAC Press, 2015. S. 337-345.

Archives of State Darwin Museum, The Pushkin State Museum of Fine Arts, The State Tretyakov Gallery and the collection of documents of The Polytechnic Museum (Moscow).

DF PM, F.100, op. 25, KP 30250/40

DF PM, F.100, op. 25, KP 30250/63;

DF PM F.100, op. 25, KP 30250/64

DF PM, F.100, op. 25, KP 30250/40

OR GMII, F. 5, op. I, ed. hr. 2030a

OR GMII, F. 5 op. I, ed. hr. 2079a

OR GMII, F. 5, op. I, ed. hr. 1083

OR GMII, F. 5, op. I, ed. hr. 1807.

OR GTG, F.,8, op. III, ed. hr. 646